

Сергей Доренский: Кто, как не Бог, диктует нам звуки

Две весны - 1994 - осень - с. 6

Сергей Леонидович Доренский... Проникшись в доме матери, праправнучки декабриста, трепетным отношением к музыке, он стал блестящим пианистом, народным артистом России, профессором Московской консерватории, в душе оставаясь мальчишкой. Как дорогой сувенир, держит техасскую фотографию, запечатлевшую его в ковбойской шляпе с кольтами в руках. С удовольствием вспоминая школьные проказы, гордится складным золингенским ножичком с одиннадцатью лезвиями, бережно хранимом в кармане концертного костюма.

Его ученики Николай Луганский, Вадим Руденко и Александр Штаркман стали лауреатами последнего конкурса Чайковского. Везение?

- То, что в этом году получилось три лауреата сразу, конечно, случайность, - улыбается Доренский. - Не случайно то, что все ребята сыграли замечательно, вступив между собой в конкуренцию. Я был уверен, что каждый из них станет лауреатом. Вопрос состоял в том, как они поделят призовые места. Кроме них, сорок моих учеников стали лауреатами крупных международных конкурсов, девять получили первые премии.

Антидемократизм и антимзыкальность подготовки последнего конкурса Чайковского вызвали негодование у меня и почти у всех моих коллег-консерваторцев. Раньше наших номинантов, мастерство которых оставляло желать лучшего, отсеивали на предварительном отборе. Это позволяло поднять планку, повысить авторитет и уровень конкурса. В этот раз вопрос об участии решался заочно, поэтому за рояль наряды с достойными попали и полупрофессионалы. Это снизило значимость события, сделало провальными его итоги. Оргкомитет отобрал по заявкам, по «справкам», 15 россиян из 50, оставив за бортом немало по-настоящему талантливых ребят. Для них это стало трагедией. Ведь, кроме нашего, конкурсов, способных дать толчок карьере молодого исполнителя, не так уж много: Шопеновский в Варшаве, Лидский, Сант-Андрейский, Дублинский, королевы Елизаветы, Бузони в Больцано и Вана Клиберна. Это из 125, планирующих в будущем году. А существуют их сотни...

Конкурс может помочь молодому музыканту заявить о себе, дать шанс показать, на что он способен, а может ничего не выявить. Если исполнитель играет вопреки установившимся канонам, это может губительно сказаться на оценке его выступления. Сверхоригинальная игра не проходит. Кстати говоря, исполнителю необязательно быть лауреатом.

Большую роль в судьбе артиста играет случай. Вадим Руденко, один из звездной троицы этого года, получив тройку по философии, не попал в пианистическую аспирантуру. За роялем он был лучшим. Его обошли ребята, набравшие более высокие баллы по остальным предметам.

У молодых исполнителей техника превалирует над смыслом, но далеко на этом не уедешь. Чтобы игра стала более глубокой, пробелы в знаниях нужно постоянно восполнять. Скрипач Самуил Ферер долгие годы соперничал с Ойстрахом. Последний победил именно благодаря высокой культуре. Сплав интеллектуальной мощи с талантом и интуицией сделал гениальными сочинения Рахманинова, Метнера и Скрябина.

- Представленные на фестиваль композиторов «Московская осень-94» фортепианные произведения можно пересчитать по пальцам. Может быть, инструмент себя изживает?

- Хренников, Щедрин, Эшпай, Николаев всегда с удовольствием писали музыку для фортепиано. Вероятно, проблема в том, что на фестивале превалируют заказные произведения. Сочинять по зову души композиторы перестали, а ждать заказа от пианистов сейчас трудно.

Консерватизм слушателей вынуждает исполнителей держать репертуар почти неизменным. Новую музыку способен воспринимать только хорошо подготовленный зал. Это тяжелая ответная работа. Проще слушать то, что наперед известно. Подозреваю, что мои ученики тоже будут играть Моцарта, Шопена и Рахманинова. Любая строчка, написанная этими гениями, стоит всего, что исполнили на «Московской осени». Со временем мишура облетает, сочинения великих бессмертны.

Гениальный композитор неизмеримо выше гениального исполнителя. Его музыка - целая Вселенная. Кто, как не Бог, диктует ему эти звуки?

Понять всю глубину вложенного создателем в нотную запись, донести это до слушателя непросто. Бывает, в по-

пытках постижения музыкант всю жизнь играет только одного автора. Среди пианистов это не редкость. Галина Черни-Стефаньска и Хорасевич были шопенистами, Глен Гульд играл Баха. Существуют произведения, которые слушаешь, любишь, играешь, а вынести на сцену не готов.

Для меня такой неприступной вершиной стал третий концерт Рахманинова для фортепиано с оркестром. Открывая перед пианистом необъятные возможности, по сложности и фактуре это сочинение можно сравнить только с первой частью второго концерта Прокофьева. Сыграть эту вещь посредственно, особенно на Западе, я не имею права.

Там русская музыка - терра инкогнита. Танеев, гениальный композитор, не известен. Иногда играют четвертую и пятую сонаты Скрябина. Из всей рахманиновской музыки знают только второй концерт для фортепиано с оркестром. Изредка включают в концерты третий и пятый, первый и четвертый знают понаслышке. Романсов, трио и прелюдии этого величайшего композитора, роль которого в музыке, может быть, больше, чем Шекспира в драматургии, не играют вовсе. Долг русских исполнителей «прописать» нашу музыкальную культуру в сознании европейцев.

Их музыкальные вкусы нам не указка. Не говоря уж об Азии. В Японии во время концерта из зала никогда не крикнут: «Браво!» Это считается неприличным. Хорошо ты сыграл или плохо, хлопают одинаково усердно. Как только уходишь со сцены, аплодисменты прекращаются. Не знаешь, смеяться или плакать за кулисами.

Наверное, так же равнодушно они бы встретили игру корифеев золотого века русской фортепианной школы: Софроничского, Нейгауза, Гинзбурга. За рубежом их не знают, хотя исполнителей такого уровня больше нет. Сегодня пианисты играют быстрее, точнее, увереннее, но красота звучания, которой добивались старые мастера, работая с педалью, изощренно касаясь клавиш, утрачена. Гонимая за интенсивным техническим прогрессом, музыканты потеряли чистоту и силу образного приращения.

Может быть, ее убивают занятия со студентами. Есть только один способ успешно совмещать концертную деятельность с преподаванием: оставить в классе не больше пяти-шести человек, самых талантливых, и заниматься только с ними. Когда студенты плохо играют, остается ощущение, что у тебя грязные руки. После противно садиться за рояль.

...Мне кажется, что Сергей Леонидович немного утрирует свои взаимоотношения со студентами. Три лауреатских диплома этого года - рекорд, который говорит об обратном. Есть и еще один, о котором не столь широко известно. С каждым из своих учеников Доренский занимается по три раза в неделю сам, оставляя на отработку с ассистентами еще три занятия. Может быть, этот триплет для русской музыкальной культуры даже важнее первого. Не секрет, что в консерватории встреча студента с профессором становится скорее исключением, чем правилом.

Андрей ВЕЙМАРН.

Фото В.Камеко.